

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников (кодексов). Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или с относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл и пр.

К сожалению, необходимость изучения состава некоторых сборников и особенно того явления, которое мы в дальнейшем будем называть «конвоем» памятника, недостаточно осознается еще историками древнерусской литературы. Памятники древнерусской литературы издаются по большей части без указания на их текстологическое окружение в списках. Не ясно также, что именно необходимо изучать в этом текстологическом окружении.

Обратимся к типам древнерусских сборников.

Прежде всего отметим те сборники, которые по устойчивости своего состава и внутренней идейной связанности всех своих частей могут рассматриваться как отдельные самостоятельные произведения.

Входившие в эти сборники произведения частично специально перерабатывались для этих сборников (сокращались или расширялись в каком-либо особом направлении, разбивались на отдельные эпизоды и включались этими эпизодами в различные места сборника по хронологическому или тематическому принципу, и т. п.), частично же сохраняли признаки своей самостоятельности — в зависимости от характера сборника. В большинстве случаев такие сборники устойчивого содержания (т. е. содержания, сохранявшегося при их переписке) обладали даже особыми названиями и, следовательно, действительно воспринимались их читателями как единые произведения. К сборникам этого типа принадлежат различные летописные своды, временники, хронографы, степенные книги, разного типа палеи (историческая, хронографическая и пр.), Еллинский и римский летописец, сборники религиозно-нравственного содержания с определенными названиями («Измарагд», «Златая матица», «Златая цепь», «Златоуст», торжественники различных видов — минейные, триодные, торжественники в виршах и т. д.), сборники житий (патерики, прологи и пр.), сборники изречений («Стословец» Геннадия, «Пчела» и др.) и т. д.

Текстологические принципы изучения летописных сводов и хронографов были указаны А. А. Шахматовым в ряде его работ.¹ Кроме того, текстологические принципы изучения сборников устойчивого состава религиозно-нравственного содержания были отчасти приведены в работах В. А. Яковлева и акад. А. С. Орлова.² Если этими принципами в настоящее время исследователи и не всегда пользуются, то не потому, что они ими заменяются более совершенными, а вследствие того, что принципы эти требуют от текстолога огромной эрудиции и еще большего трудолюбия.

Менее устойчив состав сборников, которые мы могли бы назвать циклами произведений. История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо одним общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы произведений изучаются крайне недостаточно. К таким циклам произведений принадлежит цикл новгородских произведений XV в.³ В единый цикл входят повести муромские.⁴ Долгое время «Повесть о разорении Рязани Батием» рассматривалась вне связи с теми произведениями, с которыми она несомненно составляет единый рязанский цикл.⁵

Каждое из произведений, входящее в такой цикл, переписывается, постепенно изменяется или решительно перерабатывается в составе всего цикла (до той, конечно, поры, пока оно из него не изымается для какой-либо цели), и поэтому текстологически оно должно изучаться в неразрывной связи с историей всего цикла, иначе многие из изменений текста просто окажутся непонятными.

Есть, наконец, сборники, которые мы можем рассматривать также как вполне устойчивые, хотя устойчивость их и не проверена многократной перепиской в одном и том же составе. Это — сборники, известные только в одном экземпляре (как Изборник Святослава 1076 г., Паисиевский сборник XIV в. и др.), но объединенные строгим замыслом их составителя.

¹ Так, в своем «Разборе сочинения И. А. Тихомирова» А. А. Шахматов писал: «... замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможность определить его состав и происхождение, и... единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический. Подобно тому как исследование языка не может оставаться на почве одного языка и довольствоваться случайным и несистематическим сравнением фактов этого языка с фактами других языков; подобно тому как это исследование становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, причем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли, — так же точно исследователь литературного памятника должен прежде всего подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить его первоначальный вид, к которому он восходит» (А. А. Шахматов Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 118).

² В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; А. С. Орлов. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905.

³ В свое время Г. Кушелев-Безбородко издал порознь новгородские повести и сказания середины XV в. (Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. 1. СПб., 1860). В настоящее время мы можем на основании изучения состава сборников, в которые они входят, рассматривать их как единый цикл.

⁴ Муромский цикл обычно составляют в рукописях XVII в. Повесть о Марфе и Марии, Житие князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора, Повесть о Василии Муромском, Повесть о Петре и Февронии Муромских, Повесть об Ульянии Осорогиной и Повесть о Василии Микулине (Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль, редактор И. П. Еремин. Гослитиздат, Л., 1954, стр. 363).

⁵ См. об этом: Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257.

Уже из последних примеров мы видим, что само понятие «сборник» нуждается в уточнении. Понятие «сборник» может быть применено ко всей рукописи, в которую входит несколько произведений, объединенных единым переплетом, но мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в рукописи, объединенной общим переплетом, составляют только часть ее текста. Так, например, цикл рязанских произведений почти во всех дошедших до нас рукописях составляет только их часть, а иногда под единым переплетом находится в соседстве с другими такими же циклами-сборниками или даже входит сам в состав более обширного сборника. В подобных и аналогичных случаях встает задача изучить данный сборник в составе того сборника, в который он входит как часть. Сборники могут входить друг в друга. И перед текстологом, изучающим историю текста, входящего в эти сложные по своему взаимоотношению сборники, встает необходимейшая задача раскрыть их состав, изучить их историю, разобраться в их исторически сложившихся взаимоотношениях.

Но может быть и так, что то или иное произведение не входит в состав сборника, объединенного каким-либо единым принципом, а просто сопровождается в рукописях каким-либо одним или несколькими произведениями. Именно на этом случае, до сих пор почти не привлекавшем к себе внимания, и следует остановиться особо.

В самом деле, писец может переписывать рукопись целиком или частями, но по несколько произведений сразу. От этого то или иное, даже вполне случайное, соседство может повторяться в последующем. Случаи такого рода нередки, и они имеют очень большое текстологическое значение, так как почти всегда всегда указывают на единую текстологическую традицию, а установление текстологической традиции прямым образом ведет к установлению истории текста. Если же этот конвой произведения не случаен, а имеет свое объяснение в понимании древнерусским книжником жанра произведения, его темы или его идейной сущности, то он чрезвычайно важен и для решения целого ряда чисто историко-литературных вопросов.

К сожалению, описания списков, которые прилагаются к публикациям древнерусских литературных памятников, в подавляющем большинстве не имеют полного перечисления всего содержания используемых в публикации рукописей, поэтому конвой памятников почти не изучен. Конечно, не все важно в составе рукописей. Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком или если и группой писцов, то объединенных единой «артелью».⁶

Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» (артелью) писцов, работавших по указанию заказчика, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я предлагаю называть конвоем. Под этим последним термином следует разуметь такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы даже у изучаемого произведения и не было внутренней связи с памятниками, его сопровождающими.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать

⁶ При больших монастырях или при дворах епископий и митрополии рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов. В этом последнем случае работа «дружины» писцов (она может быть в большинстве случаев текстологически установлена без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

ему, может состоять из одного произведения или многих, но сочетание его с тем или иным конкретным произведением или редакцией произведения более или менее однотипно, что объясняется традицией переписки. Поэтому самое важное качество его, на которое следует обращать основное внимание при изучении конвоя, — это относительная стабильность его состава и стабильность его положения относительно исследуемого памятника.⁷ Так, например, в конвое цикла рязанских повестей о Николе Зарзском входит Повесть об убиении Батыя Пахомия Логофета. Данная повесть конвоирует рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны. Сказанное объясняется тем, что повесть эта рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях, к тому же отвечающее стремлению переписчиков к реваншу, к возмездию Батыю за страшный разгром Рязани. Переписывая в XV в. старые рукописи, где Повесть об убиении Батыя еще не входила в состав рязанского цикла, переписчики присоединяли ее к этому циклу.

Весьма важно отметить, что, имея общую судьбу в рукописях, произведения, традиционно входящие в состав сборников более или менее определенного состава, подвергались общим изменениям: языковым, редакционным, общей порче и общим «улучшениям».

Как показывает изучение древнеславянских сборников, некоторые из них переписывались и переделывались целиком, в полном своем составе, как единое целое. Это значит, что приемы обращения переписчика или переделывателя с текстом изучаемого нами произведения могут оказаться одинаковыми или по крайней мере сходными на протяжении всего переписываемого или переделываемого сборника.

Именно такой подход позволил В. П. Любимову окончательно решить крайне сложный вопрос о происхождении Сокращенной Русской Правды.⁸ О том, что представляет собой Сокращенная Правда, писалось много, и точки зрения были очень разнообразны. В исследовательской литературе высказывалось, например, мнение, что Сокращенная Правда вовсе не является обычным сокращением, что в основе ее лежит весьма древний памятник, восходящий к XI в., и пр.

До исследования В. П. Любимова были известны два списка Сокращенной Правды в составе кормчих Толстовской IV и Оболенской. В. П. Любимов обнаружил еще один список кормчей с Сокращенной Правдой — Никифоровскую II. Во всех трех списках окружение Сокращенной Правды одно и то же, но Никифоровская II кормчая представляет собой переходный тип к Толстовской IV и кормчей Оболенского. Исследование Сокращенной Правды не изолировано от содержащих ее кормчих, а в целом, вместе с текстом всех трех кормчих, доказывает, что Сокращенная Правда является действительным сокращением Пространной Русской Правды и что это было делом составителя той кормчей, от которой идут Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была составлена по кормчей Никифоровской II или ближайшей к ней. К такого рода выводу привело В. П. Любимова внимательное исследование всего текста трех упомянутых кормчих вместе с некоторыми материалами, использованными в конце кормчих. Одни и те же приемы сокращения (например, удаление

⁷ Конечно, понятие конвоя относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в свою очередь в конвое его нового исследуемого произведения.

⁸ В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской — В кн.: Правда Русская, под ред. акад. В. Д. Грекова, т. II. М.—Л., 1947, стр. 840 и сл.

ние из текста имен и названий местностей) могут быть отмечены одинаково и в тексте кормчих Толстовской IV и Оболенского, и в тексте Сокращенной Правды. Очень сходны также, например, сокращения, сделанные в «Избрании из законов Моисеевых», кормчих Толстовской IV и Оболенского, с сокращениями текстов Сокращенной Правды, содержащихся в этих кормчих.

Исключительно важен анализ состава сборников для установления общего протографа двух списков. Исследуя тексты «Сказания о князьях владимирских», Р. П. Дмитриева пишет: «...близкие тексты в большинстве случаев входят в сборники со сходным составом статей».⁹ Рассмотрение состава сборников помогает Р. П. Дмитриевой сделать целый ряд важных выводов относительно происхождения списков. Так, по поводу двух списков Р. П. Дмитриева пишет: «Одинаковый состав сборников свидетельствует о том, что оба сборника почти целиком были переписаны с одной и той же рукописи или рукописей, близких друг другу».¹⁰ Аналогичные выводы делаются Р. П. Дмитриевой и в отношении ряда других списков «Сказания». Дополнительно к анализу разночтений списков Р. П. Дмитриева дает сведения о содержании сборников и расположении в них статей. Анализ разночтений может контролироваться анализом содержания сборников и наоборот. Если выводы, вытекающие из изучения состава сборников, в которых находятся списки произведения, говорят о том, что состав этот восходит к одному общему источнику, то они должны подтвердиться анализом разночтений этих сборников во всех их статьях. Совпадение выводов по изучению состава сборников и их разночтений позволяет рассматривать их как бесспорные.

В иных случаях связь между различными частями сборников может выступать в самых неожиданных сочетаниях. Даже, казалось бы, ничем не связанные между собой особенности самого текста или его содержания, состава сборников сопутствуют друг другу. Н. Серебрянский, например, замечает о проложном Житии княгини Ольги: «Жития Ольги не находим обычно в таких списках пролога, с житием Бориса и Глеба, начинающимся словами: „Святой мученик Борис...“, — и с не апокрифической статьей о равноапостольном Константине. Прочитав в Прологе хотя бы XVII в эти статьи, почти с уверенностью можно сказать, что под 11 июля нет памяти и жития Ольги, и наоборот: раз в Прологе помещено житие Ольги, то под 24 июля найдем вторую редакцию жития Бориса и Глеба, а под 21 мая — легендарные рассказы о равноапостольной Елене и о крещении Константина».¹¹

Изучение состава сборников главным образом с точки зрения истории сложения этого состава и общей судьбы входящих в эти сборники произведений помогает и в выяснении целого ряда историко-литературных проблем, связанных с изучением произведения. Здесь могут быть легко открыты данные, позволяющие уточнить понимание произведения древнерусскими читателями и переписчиками, данные об авторе произведения и о времени его создания, данные для определения состава произведения и для реконструкции его не дошедших до нас редакций.

Важные указания для вопроса о понимании древнерусскими переписчиками жанра и содержания «Сказания с киевских богатырях» дает изучение состава сборника 1642 г., в котором Е. В. Барсов нашел один из

⁹ Р. П. Дмитриева Сказание о князьях владимирских. М—Л, 1955, стр. 18

¹⁰ Там же, стр. 19

¹¹ Н. Серебрянский Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты) М, 1915, стр. 23—24

списков «Сказания».¹² В «Сказании о киевских богатырях», как известно, рассказывается о «путешествии» русских богатырей в Царьград. В том же сборнике помещены «Путешествие» Трифона Коробейникова и «Слово о киевском купце Борзосмысле». Следовательно, в сборнике собраны рассказы о путешествиях русских на Восток. Отсюда можно предполагать, что и интерес переписчиков середины XVII в. к «Сказанию о киевских богатырях» был интересом географическо-познавательным в первую очередь. Было бы, конечно, очень важно установить, возник ли этот состав сборника 1642 г. под рукой непосредственного составителя в 1642 г. или он традиционно восходит к более раннему времени. Отсюда ясно, что изучение состава сборников помогает получить объективные данные о том, как рассматривалось, как оценивалось, с чем сопоставлялось то или иное произведение в определенные моменты своего существования.

«Повесть о двух посольствах», касающаяся русско-турецких отношений XVI в., не случайно конвоируется другими произведениями, также касающимися русско-турецких отношений.¹³ Очевидно, что древнерусских книжников в этой Повести особенно интересовал вопрос русско-турецких взаимоотношений.

Изучение состава сборников имеет очень большое значение для установления принадлежности произведения определенному автору. Переписчики часто объединяли произведения одного автора, например Грозного и Курбского.

Любопытен сборник, открытый В. Ф. Ржигой, в котором находятся сочинения Ермолая-Еразма. Изучение состава этого сборника в его целом позволило В. Ф. Ржиге установить принадлежность Ермолаю-Еразму еще ряда новых произведений.¹⁴ Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло А. А. Зимину установить принадлежность Ивану Пересветову особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками».¹⁵ С. Иванов доказывает, что «Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным», на самом деле принадлежит болгарскому писателю Льву Аниките Филологу. Один из аргументов его тот, что сборник, в котором дошел до нас лучший список «Жития», составлен из сочинений Филолога.¹⁶

Изучение состава сборников помогает также установить время возникновения того или иного произведения. Так, например, Н. Серебрянский обратил внимание на состав сборников, в которых находился изучаемый им памятник: распространное проложное Житие княгини Ольги, читающееся в единственной рукописи (ГБЛ, Румянцевское собр., № 397, XVI в.). Н. Серебрянский не видит оснований относить его ко времени, более раннему, чем XVI в. В самом составе рукописи Н. Серебрянский находит подтверждение этому выводу, сделанному им на основании изучения текста Жития: «Обращаясь к составу рукописи № 397, и здесь мы не находим данных относить составление проложного жития ко времени раньше первой половины XVI в. Рукопись эта — псковская; в ней помещены псковские жития: бл. кн. Всеволода (пространное житие и статья

¹² Е. В. Барсов. Богатырское Слово — СОРЯС, т. XXVIII. СПб., 1889, № 3, стр. 8—11.

¹³ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 240.

¹⁴ ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926. См. также интересное исследование состава этого сборника: А. И. Клибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 178—207.

¹⁵ Сочинения Ивана Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 16 и др.

¹⁶ С. Иванов. Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915, сентябрь, стр. 173—190.

об открытии мощей), преподобных Евфросина и Саввы Крыпецкого (проложные редакции). Житие Всеволода составлено известным псковским биографом святых, пресвитером Василием; его перу принадлежат и про страные жития Евфросина, Саввы, проложные же жития преподобных хотя составлены и по Василиевым подробным житиям, но, кажется, не самим Василием. В рукописи помещены также проложное житие Александра Невского — переделка подробного Василиева жития, проложное житие Петра и Февронии Муромских, написанное не раньше половины XVI в. Таким образом, бóльшая часть статей в рукописи состоит из сочинений половины XVI в.; к этому времени, вероятно, относится и житие Ольги.¹⁷

Исключительное значение имеет изучение состава сборников для выяснения границ произведения. В древней русской литературе часто нелегко бывает отграничить начало и конец произведения от произведений, входящих в его постоянное сопровождение — конвой. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Вследствие того, что исследователи не интересовались конвоем, из него была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком к «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста.¹⁸

До последнего времени неясны были начало и конец «Сказания о начале Москвы». Произведение это и начиналось и заканчивалось довольно странно и неясно. Исследование конвоя позволило правильно определить границы этого произведения и выяснить состав того летописного сборника, в котором оно первоначально находилось и где получило свое окончательное литературное оформление.¹⁹

К интересным выводам приходит М. Н. Сперанский на основании изучения сборников.²⁰ М. Н. Сперанский интересовал список «Странника» Стефана Новгородца в сборнике БАН, 16.8.13 первой половины XVI в. Выяснилось, что сборник этот — собрание путешествий в чужие края. По-видимому, этот состав сборника не случаен. Сходного состава (но без «Странника» Стефана Новгородца) сборники Софийской библиотеки №№ 1464 и 1465 (ГПБ), причем, что особенно важно, идентичен и самый порядок следования статей. М. Н. Сперанский предполагал, что «этот подбор „хождений“ в нашем сборнике нельзя не связывать с оживлением паломничества именно в Новгородской области в том же XIV в. (к которому относится и «Странник, — Д. Л.)». Это оживление М. Н. Сперанский объяснял «попытками Новгорода освободиться от церковной зависимости от Москвы, ставши в более тесную связь непосредственно с патриархией».²¹

История создания Академического сборника проливает некоторый свет на особенности дошедшего в нем текста «Странника» Стефана Новгородца. Как показывает М. Н. Сперанский, состав сборника новгородский, но в тексте «Странника» имеется характерный псковизм в употреблении названия храма Софии в форме мужского рода — «святыи Софей»:

¹⁷ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 37—38.

¹⁸ См.: Р. П. Дмитриева Сказание о князьях владимирских, М.—Л., 1955.

¹⁹ М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957.

²⁰ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.

²¹ Там же, стр. 17

«помилова ны бог и святой Софей премудрость божия»; «имать же святой Софей множество кладязь»; «святы Софей имать дверей 140».²²

Характерно, что сборник Софийской библиотеки № 419 (ГПБ) близок к Академическому сборнику 16.8.13 как по составу, так и по наличию того же псковизма: «святы Софей». Отсюда возникает предположение, что текст «Странника», вошедшего в состав новгородского сборника XVI в., некоторое время перед тем переписывался в Пскове.

Особое значение этому проявлению псковского говора в двух списках «Странника» придает то обстоятельство, что он поддержан целым рядом псковизмов в сборнике XVI в. из собрания И. Е. Забелина № 416 (ГИМ), содержащем другой текст «Странника». Рукопись Забелина представляет собой механическое соединение трех сборников. Один из этих сборников — тот, в котором находится «Странник», — имеет ярко выраженные псковизмы на фоне средневеликорусской графики и фонетики. Здесь, следовательно, «Странник» явно выказывает следы своего происхождения из Пскова, что подтверждается всей окружающей его «литературной компанией» (выражение М. Н. Сперанского).²³ В связи с этим М. Н. Сперанский обращает внимание на то, что Стефан называет себя «Новгородцем» (или его так называет переписчик). «Как понимать это прозвище? — пишет М. Н. Сперанский. — Если допустить (что само по себе вполне естественно), что прозвище это указывает на происхождение Стефана из Новгорода (как и мы все время его себе представляли), то возникает вопрос: почему новгородец Стефан нашел нужным (или сам, или кто-либо другой, кого интересовало путешествие, в данном случае большой разницы нет по существу) прибавить к имени еще прозвище „Новгородец“? Если он жил и писал в Новгороде, то такая прибавка является совершенно ненужной и лишней. Но, может быть, появление этого прибавления получит свое естественное и вполне вероятное объяснение в том, что новгородец по происхождению Стефан писал свое произведение не в Новгороде, а в другом месте или что писание новгородского автора попало и получило распространение не в Новгороде, а в ином городе; в таком случае вполне уместно было бы или самому Стефану или лицу, заинтересовавшемуся его писанием, отметить (хотя бы в отличие от других Стефанов, здесь так или иначе известных или автору путешествия, или кому-либо другому) происхождение или прежнее пребывание автора текста в Новгороде. На такого рода предположение (в первой или во второй форме) наводит несколько аналогий употребления таких прибавочных к имени прозвищ в русской же старинной письменности: так, известная „Задонщина“, писанная, весьма вероятно, где-то в области псковского говора или даже во Пскове, но не псковитянином, а пришлым человеком, вероятнее всего из Рязани, получила в заглавии рядом с именем Софоний прибавку „Рязанца“; известный Максим Святогорец, писавший в России, обычно прозывается Максимом „Греком“, разумеется, в отличие от других соименных и, может быть, современных ему Максимов».²⁴

Из этого примера видно, как важно, даже для такого вопроса, как вопрос о прозвище автора, знать историю текста произведения в его литературном окружении.

²² О псковском происхождении подобной формы см. в статье А. А. Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. По поводу книги Николай Каринский Язык Пскова и его области в XV веке» (ЖМНП, СПб, 1909. № 7, стр. 105—177)

²³ М. Н. Сперанский Из старинной новгородской литературы XIV века, стр. 21—22.

²⁴ Там же стр. 47—48

Однако приведенными данными о трех сборниках, содержащих текст «Странника» Стефана Новгородца, наблюдения М. Н. Сперанского не ограничиваются. Выясняется, что для истории текста произведения исключительную важность представляют иногда даже те сборники, которые не имеют текста изучаемого произведения, но сходны по составу с теми сборниками, которые его имеют.

М. Н. Сперанский обращает внимание на то обстоятельство, что сборник описаний Константинополя, включенный как часть в рукопись Забелина № 416 (ГИМ), о которой мы уже говорили выше, близок по составу к двум другим сборникам: ГИМ, № 1428 и ГПБ, Q.XVII.184. Причем Забелинский сборник несколько отличается от двух других: ГИМ, № 1428 и ГПБ, Q.XVII.184, но все три, очевидно, восходят к одному общему оригиналу (возможно, через посредствующие звенья). Своим оригиналом все три сборника воспользовались различно. В Забелинском сборнике весь материал сокращен — в том числе и «Странник» Стефана Новгородца. В двух других он не сокращен, но зато «Сказание о святынях Царьграда» начала XIV в. заменено «Беседой о святынях Царьграда». Тексты «Сказания» и «Беседы» близки между собой, но чем объяснить их различия? Анализируя весь состав сборников и восстанавливая их генетические взаимоотношения, М. Н. Сперанский приходит к выводу, что «Сказание» и «Беседа» восходят к одному и тому же памятнику, содержавшемуся в том первоначальном и не дошедшем до нас сборнике, к которому восходят все три изучаемых сборника: Забелинский, ГИМ и ГПБ. История всех трех сборников проливает свет и на текст «Странника» Стефана Новгородца в Забелинском сборнике, представляющем собой сокращение (характерное для всех статей Забелинского сборника) текста, который сохранился не дошедший до нас оригинал всех трех сборников.²⁵

Если бы М. Н. Сперанский не изучил взаимоотношения текстов всех сборников, содержащих тексты «Странника» Стефана Новгородского, и двух других сборников, близких к изученным, но не имеющим «Странника», различия в дошедших до нас текстах «Странника» оставались бы далеко не ясными. Можно было бы спорить о том, какой из текстов более первоначален, имело ли место сокращение текста «Странника» в Забелинском сборнике или, наоборот, текст в рукописи БАН, 16 8.13 представляет собой распространение первоначально более краткого текста и т. д., не ясен был бы и вопрос с псковизмами в текстах некоторых списков «Странника» и многое другое.

Изучение сборников не было доведено до конца М. Н. Сперанским, но и то, что он сделал, сразу же пролило свет на историю текста изучаемых им произведений.

Итак, изучение истории текста произведения в тесной связи с его окружением в составе сохранившихся рукописей должно быть признано одной из важных задач историков древней русской литературы. Если произведение сохранилось не в одном списке, то рассмотрение текстологического конвоя должно быть признано обязательным для всякой текстологической работы над ним.

Между тем в исследовании памятников древней русской литературы еще очень часты случаи, когда даже произведение, заведомо встречающееся в текстах летописей или хронографов, изучается вне состава этих летописей и хронографов — как будто бы оно имело самостоятельную историю. В самом деле, отдельные отрывки из летописей и хронографов легко

²⁵ Там же, стр 85—86

могут быть приняты за особые повести «по ощущению» и изучаться отдельно (так, например, случилось с двумя летописными рассказами о взятии Москвы Тохтамышем). Такого рода «изучение» летописных рассказов не имеет никакой ценности. Но даже если произведение находится не в летописи, а в сборнике, состоящем из отдельных памятников, ценность его изучения может быть утеряна или в значительной степени уменьшена при недостаточном внимании к общему составу сборника.

Необходимость комплексного подхода к изучению текста произведений ставит перед историками древней литературы целый ряд новых задач. В частности, необходимо вернуться к текстологическому изучению очень многих древнерусских произведений, встречающихся в сборниках. Так, например, уже давно было обращено внимание на состав Мусин-Пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Является ли этот состав стабильным? Некоторые данные прямо говорят об этом. В таком случае его необходимо внимательно проследить по сохранившимся в рукописях аналогичным подборкам произведений.

Изучение состава наших сборников и их истории позволит открыть новый, богатейший источник для истории общественной мысли древней Руси, для изучения круга читательских интересов в различное время, в разных местностях и в разнородных социальных слоях.
